

27 февраля 1937 г.
Париж.

АВТОБИОГРАФИЯ т. В. П. ПОТЕМКИНА.

Родился в г. Твери, в семье врача, 7-го октября 1877 или 1876 года. За неимением метрики, университетского диплома и старых служебных документов, начальные годовые даты указываются по памяти. По окончании Тверской гимназии, поступил в 1894 г. в Московский Университет, на историко-филологический факультет, который окончил по историческому отделению в 1896 г. В бытность на 3-м курсе, за участие в студенческом движении, был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, откуда, однако, вскоре был вместе с прочими товарищами освобожден. В это же время состоял в студенческих кружках, где впервые ознакомился с элементами марксизма. Государственный экзамен сдал в 1899 году, после чего по представлению профессоров В. И. Герье и П. Г. Виноградова, оставлен был стипендиатом для приготовления к профессуре по кафедре всеобщей истории. Еще до сдачи государственного экзамена выступил в публичном заседании Исторического общества при Московском Университете с докладом — "Ирод Великий и еврейство", который был принят к напечатанию в журнал "Русская Мысль". Готовясь к магистрантскому экзамену, в 1899-900 учебном году поступил преподавателем в Московскую 7-ю гимназию, а в следующем — в Екатерининский институт. К этим годам относятся — мой второй доклад в Историческом обществе "Кай Петроний и его роман" и моя первая публичная лекция в Историческом музее — "Родоначальник средневекового идеализма", организованная т. Инессой Федоровной Арманд в пользу 0-ве улучшения участи женщины, в которой она состояла председательницей. И доклад, и лекция были затем напечатаны в ~~этом~~ том-же журнале "Русская Мысль". Преподавательская моя деятельность по ведомству Министерства Народного Просвещения была вскоре запрещена Московским Учебным Округом вследствие моего выступления в публичном об"единенном собрании Московского педагогического общества и Учебного отдела об-ва Распространения Технических знаний с докладом, посвященным памяти одного из пионеров образовательной деятельности среди рабочих — П. В. Беневоленского. Свое заключение о моей политической неблагонадежности попечитель Московского Учебного Округа Некрасов сообщил в письменной форме и администрации Екатеринославского института, рассчитывая, что я буду уволен и оттуда. Однако в институте в эти годы господствовало либеральное направление. Вместе со мной, там преподавали т. М. Н. Покровский, левый ист профессор В. А. Вагнер, В. В. Келлеш и другие. Почетный опекун института, сын поэта, А. А. Пушкин, возмутился вмешательством Некрасова в дело чужого ведомства и доносу Попечителя округа не было дано хода. Я остался преподавателем Института до конца 1903 года.

К началу 900-х годов относится издание мною под моей редакцией и с моим предисловием большого литературного сборника "Помощь голодающим евреям", задуманного мною в форме широкого выступления представителей науки, литературы, искусства, общественной жизни против антисемизма. Издание это, об"единившее людей различных направлений — от социал-демократов до либералов от Горького до Вальмонта, от Рожкова до Новгородцева, от Михайловского до Эмиля Золя, имело весьма значительный успех, содействовало моему сближению с такими людьми как т. М. Г. Лунц,

125

В.М. Фриче, Максим Горький, но и вызвало крайнее раздражение властей. По требованию цензуры вырезано было мое предисловие из второго, дополнительного издания моего сборника. Вслед за выпуском "помощи" мне было предложено принять на себя редактирование московской газеты "Курьер", вокруг которой в то время группировались молодые марксисты - т.т. Фриче, Шулятников, Кепель, Коган, а также представители литературы как Горький, Л. Андреев, Серафимович, Скиталец. За непечатаемые стихотворения этого последнего писателя, кажется "Гусляр", газета была временно приостановлена распоряжением Плева, а затем и вовсе прекратила свое существование.

В конце 1903 года, вследствие переутомления, вызванного ночной работой в редакции газеты, я, по рекомендации врачей, выехал за границу, в Италию. Вернувшись, я существовал, главным образом, частными уроками и литературой. К этому времени относятся напечатанные мною в "Книгах Восхода" серии научных статей, под общим заглавием "Очерки по культурной истории древнего Израиля". В конце 1904г мне было предложено организовать учебно-воспитательную работу в семье Терещенко, проживавшей в Кеннах, во Франции. Там я пробыл лето, а осенью уехал в Екатеринослав, где устроился преподавателем в женской гимназии Степановой и торговой школе 0-ва приказчиков.

В Екатеринославе мне пришлось пережить октябрьские дни, расстрел учащихся на Кадешевской улице, манифест "свобод", бурные митинги, еврейский погром, наступление правительственного террора. я активно выступал против меньшевиков, кадетов, в лице Александра, трудовиков, в лице Каравеева, организовал собрание протеста против расстрела учащихся, был кооптирован в тайный комитет школьной молодежи, председательствовал на народных митингах, участвовал в самообороне против погромщиков, читал лекции рабочим в железнодорожном училище. Когда генералом Сендецким было приказано меня найти и арестовать, друзья из военных помогли мне скрыться из города. Я выехал в Москву, где только что закончилось вооруженное восстание.

В вагоне я прочитал Некролог отца, якобы убитого в Твери, на глазах губернатора Слепцова, любовавшегося разгромом Губернской земской Управы, которую жгли черносотенцы. Оказалось при проверке что отец, явившийся утешать погромщиков, был избит ими до полусмерти, но остался жив.

В Москве, после кратковременного сотрудничества в еженедельнике "Семь дней", обслуживавшем, преимущественно, профессиональное движение, я возобновил преподавательскую работу в женской гимназии Келлейдович, / впоследствии Леконской / и реальном училище Бидлера / впоследствии Баженова /.

Параллельно с педагогической деятельностью, я начал активную пропагандистскую работу в кружках учащихся средней школы, руководя их занятиями по вопросам марксизма. Об этой эпохе моей жизни и о личной моей роли в кружках молодежи, конкретные данные имеются в книге "Пятый год" Московского истпарта, сборнике втором. К этому же времени относится и возобновление моей публично-лекционной деятельности, ставившей своей основной задачей широкую агитацию, осуществлявшейся, по большей части, в контакте с такими организациями, как литературная группа Московского Комитета партии, как Московский Комитет учащихся и т.п. / об этой моей работе см. "Пятый год" стр. 19-51-52 /

Агитационно-пропагандистская деятельность, непрерывно расширявшаяся в последующие годы, вплоть до февральской революции, связала меня личными отношениями с рядом представителей партии большевиков, организовавших в Москве и провинции мои выступления. В

Москва, например, при подготовке выборов в государственную думу, я выступал вместе с т. И.И. Скворцовым, против кадетов, в частности, "Маклакова"; в Нижний Новгород, а также Сарово, я ездил неоднократно по вызову т. Е.К. Мелиновской, в Саратов - т. С.И. Мицкевиче, в Сызрань - т. Мяскова, в Вологду, - М.И. Ульяновой. В то же время я был избран председателем Лекционного Бюро Комиссии Домашнего чтения при Учебном отделе 0-ва распространения технических знаний, в котором активно работал с начала 1900 года, составляя печатные программы по истории для известных программ Комиссии / по истории Рима, французской революции, промышленному перевороту 18 века и т.д. / Под моим руководством Лекционное бюро освободилось от кадетствующих элементов и излишнего академизма. К годам войны Бюро укомплектовано было наиболее передовыми лекторами и завоевало себе широкую популярность по всей России. Особым успехом пользовались его летние курсы для учителя, собиравшие иногда сотни слушателей и распространявшие в эту среду учение марксизма. В 1916-1917 г.г. эти курсы приобрели ясно выраженный политический характер.

За этот период особенно **интенсивно** интенсивно развивалась и моя научная-литературная работа, связанная, отчасти, с деятельностью Исторической Комиссией ОРТЗ. К этому времени относятся мои выступления против идеологии "Вех", а также напечатание ряда моих работ - о старом режиме во Франции, о парижской Коммуне, о движении чартизма, об Альфреде Великом, о норманнах, о Руссо и т.д. Большая часть этих работ напечатана была в "Книге для чтения по истории нового времени" и в такой же книге по средним векам.

В июле 1914г. я был призван по мобилизации на военную службу, но освобожден по слабости зрения. В 1917г. я начал свою работу во Внешкольном Отделе народного образования Московской Губернской Управы, вместе с т. Е.А. Литкенс. После октябрьского переворота и преобразования Управы в Губернский Совет, я продолжал там свою деятельность. Одновременно, с тем же т. Литкенс, я принял активное участие в организации и деятельности Рабочего университета в г. Богородске.

Летом 1918 года, по приглашению тов. М.И. Покровского, я перешел на работу в Наркомпрос, в Отдел Школьной Политики и принял на себя заведывание Отделом С"ездов. Мне пришлось провести широкую агитационную кампанию для привлечения масс учительства на советскую платформу, для чего неоднократно я выезжал и в провинцию. Осенью того же года, по моему предложению, в Москве были организованы всероссийские курсы для учительства, превратившиеся затем в первый с"езд по народному образованию. По назначению Наркомпроса, я был председателем этого с"езда, принял активное участие в выработке Положения о единой Трудовой школе и организовал выступление т. Ленина на одном из пленарных собраний с"езда. Мною же были редактированы и изданы печатные протоколы с"езда.

Осенью 1918 года, я подал заявление о приеме в партию в Московский Губернский Комитет. Рекомендацию мне дали т. С.И. Мицкевич, близко меня знавший с начала 1900-х годов и тов. Максимовская, работавшая в это время в Отделе народного образования Московского Совета. В первых числах января секретарь Московского Губернского Комитета т. Миньков выдал мне партийный билет, где стаж мой, на основании рекомендации т. Мицкевича, был показан, насколько помню, с 1906г.. Не считая себя вправе претендовать на звание старого члена партии, ибо в организацию ее я формально не входил, хотя, как сказано, поддерживал с ними контакт, пользовался известным доверием ответственных партийцев, работал в соответствии с программой партии, я просил т. Минькова проставить мне действительный стаж с начала января 1919года.

В апреле 1919 года я организовал первый всероссийский с"езд

94
27

по внешкольному образованию. Вместе с другими членами президиума этого съезда, я был принят т. Лениным, который по нашей просьбе, выступил на пленуме со своей знаменитой речью "Об обмене народа лозунгами свободы и равенства". Во время съезда я был мобилизован на фронт гражданской войны. Пур назначил меня зав. политотделом Западного фронта.

Прибыв в штаб западного фронта, находившийся в Старой Руссе, я вскоре выехал на ст. Дно для политической инспекции этого участка, находившегося под угрозой Булак-Булаховича, и, вдобавок, ослабленного склокой национальных частей - эстонских и латышских, а также отряжкой керенщины - в форме выборных комитетов и постоянного митингования. По возвращении с фронта, мой Политотдел, вместе со всем штабом, переехал в Смоленск. Вскоре туда прибыл с Ленинградского участка т. Сталин, назначенный членом Революционного Совета Зап. фронта. По личному поручению Сталина, мне пришлось совершить ряд выездов в слабейшие районы нашего фронта - Витебск-Полоцк-Двинск, Гомель-Мозырь-Орша и проч... для водоворения порядка в частях и укрепления советского тыла. За выполнение этих заданий мне была объявлена благодарность Реввоенсовета, за личной подписью т. Сталина. Когда осенью 1919 г. ЦК партии поручил т. Сталину организацию Запфронта, представив ему взять туда с собою близких и избранных им работников Западного фронта, тов. Сталин предложил мне ехать с ним. По приезде в штаб Запфронта, стоявший на ст. Петочны, я принял заведывание Политотделом Запфронта.

Почти немедленно, по поручению тов. Сталина, я выехал в расположение 13 армии, штаб которой находился на станции "ценск, и некоторые части которой в беспорядке отказывались к Туле. Установив, что штаб армии потерял связь с этими частями, я отправился с группой своих работников - т.т. Анцеловичем, Антоновым-Саратовским, Бреславым и др. - на поиски разбегавшихся дивизий. Настигнув эти части, мы очистили их от ненадежных элементов, предложили штабу фронта реформировать некоторые из них и, пользуясь предоставленными мне полномочиями Председателя выездной сессии Трибунала фронта, оздоровили тыл, кишевший кулаками-контрреволюционерами. По возвращении в штаб фронта, стоявший уже в Серпухове, я получил одобрение нашей работы от тов. Сталина и Реввоенсовета. Вскоре после этого Реввоенсовет 13 армии был раскэссирован, и в состав его были назначены новые работники.

В декабре 1919 г. я выехал в Москву для участия в совещании политработников всех фронтов, созванном Троцким. На этом совещании произошло мое первое столкновение с Троцким, попытавшимся высмеять "Инструкцию комиссару полка", составленную политотделом Запфронта, по поручению тов. Сталина и уже введенную в действие приказом по Запфронту. Второе, гораздо более резкое столкновение с тем же Троцким имело место непосредственно вслед за тем на пленуме съезда политработников, где Троцкий поручил Смилге выступить с докладом, предлагавшим упразднить политорганы в Красной Армии, ликвидировать Реввоенсоветы и перейти к единоначалию. Несмотря на настояние Троцкого, чтобы я поддержал эту ликвидаторскую и контрреволюционную позицию, я, в качестве председателя пленума, резюмируя прения, провел резолюцию, опрокинувшую все расчеты Троцкого. Он покинул съезд в бешенстве и с тех пор постоянно проявлял ко мне крайнюю враждебность. Между прочим, после ликвидации Врангеля, он отказался удовлетворить мое желание продолжать работу в Красной Армии. Тов. Сталину хорошо известны вышеизложенные конфликты мои с Троцким и его отношение ко мне.

В начале 20-го года, об"езжая сыпнотифозные госпитали и эвакуационные пункты в Курске, я заразился тифом в самой тяжелой форме и заболел в Харькове около трех месяцев. Вслед затем, во главе отряда Штаба СДФронта, я выехал в район Ржищева-Киева для участия в наступлении на Киев, занятый поляками. Наш отряд, в качестве десантного, поддерживался южной группой днепропетровской флотилии. Несмотря на потери, причиненные нам вследствие предательства кулацких элементов селений Стайки, и Витачева, а также в результате налета польских аэропланов, головная часть нашего отряда с группой моряков, под моим личным руководством, первая проникла в город оставленный поляками. За эту операцию я был награжден Орденом Красного Знамени.

Из-под Киева я был вызван т. Сталиным в Павлоград, где получил от него задание проехать на южную линию нашего фронта и провести оздоровительную работу среди частей, которых коснулось некоторое разложение. На этот раз я вновь был снабжен полномочиями и аппаратом Председателя выездной сессии трибунала фронта. В числе дел, которые мне пришлось рассмотреть, важнейшими были - расследование обстоятельств прорыва Врангеля из Крыма, сопротивление латдивизии распоряжению командования фронта, дело о разгроме Безюкского монастыря и проч. По окончании этой работы я вернулся в Харьков. К этому времени я был избран членом Президиума Харьковского Совета, а затем и членом ВУЦИК.

Из Харькова, где мне пришлось также руководить работой Политотдела Трудовой Украинской Армии, я выехал летом с организованным мною агитационно-инструкторским поездом имени т. Сталина в расположение 13-й и 2-й Конной Армии. Во время стоянки этого и поезда в г. Александровске, нас посетил т. Сталин, подробно ознакомившись с его работой и с деятельностью выездной сессии Трибунала, которой я руководил. Я сопровождал т. Сталина и в его поездках оперативного характера в район боевых действий 13-й и 2-й Конной Армии. Когда подготовлены были операции против Крыма, где сидел Врангель, я получил назначение членом Реввоенсовета 6-й армии.

В штабе 6-й Армии - в Кременчуге, Бариславле, Херсоне я пробыл до окончательной ликвидации Врангеля. Зимой 1920г. снова тяжело болел эпидемической желтухой. Когда началась демобилизация - вопреки выраженному мною желанию остаться в Красной Армии, - Троцкий заявил т. Гусеву, сообщившему об этом моем ходатайстве, что я должен возвращаться в Москву,

Проездом через Харьков, я узнал, что ЦК Украины предложил ЦК КПБ задержать меня на Украине, чтобы поручить мне провести реорганизацию высшей школы в Одессе. Предложение было принято. В феврале 21-го года я прибыл в Одессу, где был избран членом Губисполкома для заведывания наробразом. Эту работу я выполнял до осени 1922года. По совместительству я был начальником Губернских военно-политических курсов, председателем Губернской Комиссии помощи голодающим, уполномоченным по сбору продналога в Первомайском уезде.

Осенью я был вызван в Москву ЦК. С ноября началось мое оформление в качестве члена Миссии Красного Креста для поездки во Францию, где предстояло произвести репатриацию солдат бывшего экспедиционного корпуса эпохи империалистической войны. По выполнении этой задачи, я был назначен председателем репатриационной комиссии в Константинополь, куда выехал в октябре 1923года. Там же я был назначен по совместительству генконсулом. Вслед затем я получил назначение советником нашего полпредства в Ангоре, где пробыл до осени 1929года. В Ангоре я болел брюшным тифом в

#99

тяжелой форме. После Турции я был назначен полпредом в Афины, где пробыл три года. В декабре 1932 года произошло мое назначение полпредом СССР в Италии. Здесь я пробыл два года.

В сентябре 1933 года мною были проведены переговоры о заключении с Италией пакта о дружбе и ненападении, который и был подписан мной и Муссолини. В ноябре 1934 года я был назначен Полпредом во Францию. Здесь мною были проведены переговоры о заключении франко-советского пакта о взаимной помощи, который и был подписан 2-го мая 1935 года.

Партийным взысканиям за время моего пребывания в партии я не подвергался, уклонов от линии партии никогда не допускал.

С 1935 года состою членом ЦИК СССР седьмого созыва.

В дополнение к сведениям о литературных трудах могу указать, что в 1906 г. мною переведена с немецкого и издана работа "Психология свидетельских показаний". В последующие годы мною переведены с французского для издательства "Современная проблема" книги Валишевского "Иван Грозный", "Пирлингс - Названный Дмитрий", "Москва и папский престол". В Одессе мною отредактированы и изданы Наробровом книги: "Летский городок имени Коминтерна" и "От школы коммуны к детскому городку имени Октябрьской революции".

На XVIII съезде партии был избран членом ЦК ВКП/б/.
В декабре 1937 года избран депутатом Верховного Совета СССР.

Верно:

отп. 2 экз.
25/VIII-45г.
нб.